

УДК 82.02:141.78

СЕМАНТИКА ПУСТОТЫ В МОДЕЛИ МИРА ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ТЕКСТА

Роман Геннадьевич Житко

orcid.org/0000-0002-8821-0955

romanzhitko92@gmail.com

Аспирант

Кафедра русской филологии

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Республика Беларусь

Аннотация. Рассматривается категория пустоты в моделировании художественного мира в поэтике постмодернистской литературы. В связи с этим на базе структурно-семиотического метода исследуются специфика организации времени и пространства в тексте постмодернизма, их основные структурно-семантические параметры, а также аксиологические ориентиры. В качестве материала для анализа выступают актуальные по заявленной проблематике прозаические и поэтические постмодернистские тексты, использующие категорию пустоты в качестве одного из ключевых факторов построения художественного мира. В рамках изучения „опустошённого“ постмодернистского времени и пространства охарактеризованы такие аспекты мироустройства, как хаотизация, плюрализация, деструкция и др., а также установлена специфика корреляции категорий реального и ирреального, истинного и ложного, подлинного и виртуального в семантико-аксиологическом поле поэтики пустоты в тексте постмодернизма. Представлен детальный анализ постмодернистской поэтики пустоты в аспекте времени и пространства как основных параметров моделируемого художественного мира.

Ключевые слова: пустота, время, пространство, Пелевин, Эко, Гребенщиков, Борхес, Бьой Касарес.

Трансформация мировосприятия, свойственная постмодернистской эпохе, обусловила определённые изменения художественной поэтики данного направления в аспекте моделирования мира,

построения художественной реальности, пространства и времени. Имеют место разрушение структурированной картины мира, отказ от логики бинарных оппозиций. И. С. Андреева указывает в качестве основных параметров „«виртуальность» мира, феномен «двойственного присутствия», отсутствие категории Истины» [2]. Постмодернистскому тексту присуща формальная, аксиологическая и семантическая деструкция в различных аспектах. Моделирование пространства и времени зачастую сводится к следующим факторам (нередко комбинируемым в том или ином соотношении): деструкция, замещение системы хаосом, моделирование „мультиверсума”; виртуализация (построение пустой, „фиктивной” художественной реальности, „означающего без означаемого”); деконструкция, разложение культурного кода вплоть до полного его обесмысливания и опустошения; условность (в том числе, нарочитая неестественность изображаемого); разрушение иерархической модели мира, ироническое „принижение” возвышенного.

При этом необходимо рассмотрение приёмов постмодернистской поэтики пустоты в аспекте моделирования художественного мира. В отличие от модернистской парадигмы, художественный мир постмодернистского текста не представляет собой семантического и эстетического целого, организованного сообразно единой структуре; пространство и время искажаются, становясь пустой формой, открытой для неопределённого множества смыслов. Хронотоп зачастую распадается на множество равноценных (и порой взаимоисключающих) временных и пространственных пластов (дистанцированных и смежных, „реальных” и „ирреальных”), каждый из которых существует параллельно другим, вступая с ними во взаимоотношения вариативности. Все эти элементы хронотопа существуют в тексте будто бы независимо друг от друга, их сочетаемость алогична. Сущность такого художественного мироустройства состоит в хаотической, децентрированной действительности, лишённой единого смыслового и содержательного стержня (в частности, структурированного времени и пространства художественного мира). Тем не менее, между пластами реальности существует определённая связь, которую Э. А. Усовская называет „принципом игры”: вариативная множественность текста исключает возможность его окончательного истолкования [19, с. 121].

Хаотичность построения событийного пространства, сочетание разнообразных культурных кодов реализуется таким образом, что ни один из элементов не приобретает роль доминирующего, вследствие чего создаётся постмодернистский неопределённо-множественный гипертекст. Так, в отношении романа В. Пелевина „Чапаев и Пустота” Г. Л. Нефагина замечает, что в нём „все реальности симулятивны” [18, с. 66]. Фактически происходит замена мира (с его константными хронологическими и пространственными характеристиками) на его иллюзорную, виртуальную проекцию. Событийное пространство постмодернистского произведения превращается в мир „относительный”, хаотичный и пустотный; пустота здесь означает отсутствие симуляции объективной реальности. В частности, Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий отмечают наличие в поэтике В. Пелевина „«компромисса» между реальностью и фантазией” [12]; И. Б. Александрова подчёркивает, что русский поэт-метареалист И. Жданов „создаёт особый хронотоп – ценностную ситуацию, лежащую в области Вечного” [1, с. 39]. Семантика опустошения мира создаётся при помощи кумулятивного ряда отрицательных языковых конструкций; внутренняя пустота хронотопа коррелирует с внутренней пустотой героя:

*Иуда плачет – быть беде!
Опережая скорбь Христа,
он тянется к своей звезде
и чувствует: она пуста.
В ней нет ни света, ни тепла –
одна промозглая зола.
Она – не кровь и не вода,
ей никому и никогда
не смыть греха.
И остаётся в голос свой
вводить, как шорох огневой,
упрёк стиха [7].*

Опустошение постмодернистского мира нередко сопряжено с разрушением его аксиологической структуры. Например, в поэтике Т. Кибирова сфера сакрального десакрализуется, иронически

разделяясь на „свою” и „чужую”, причём актуализируется их аксиологический контраст (последняя выглядит предпочтительней, „привлекательней”). В данном контексте сталкиваются христианская и, очевидно, буддийская (на что указывает „поза лотоса”) картины мира, каждая из которых представляет собой один из вариантов ценностной организации „множественной” реальности:

*А у тех-то Господь – он вон какой!
Он-то и впрямь дарует покой,
Дарует-вкушает вечный покой
Среди свистопляски мирской!
На страсти-мордасти махнув рукой,
В позе лотоса он осенён тишиной,
Осиян пустотой святой.
А наш-то, наш-то – увы, сынок, –
А наш-то на ослике – цок да цок –
Навстречу смерти своей [10].*

Постмодернистское моделирование пустого времени и пространства обнаруживает разнообразие стратегий поэтики. Одним из примеров этого может служить деконструкция культурного кода, вплоть до полного его обесмысливания. К примеру, повесть В. Пелевина „Омон Ра” (1991) в гротескной форме „разоблачает” идеологические основы советской космической программы; изображается ложная действительность, вводящая в заблуждение и главного героя, и читателя. Произведение, содержащее элементы квази- и криптоистории, радикально снижает категорию возвышенного, моделирует и изобличает „иллюзии” общественно-политической пропаганды, достаточно цинично адресуя посвящение „Героям советского космоса” [14, с. 5]. Разрушение культурно-мировоззренческого дискурса в повести доводится до абсурдной идеи о фиктивной природе советской программы лунных пилотируемых объектов. Изображённая действительность пуста, бессмысленна и безысходна; столкновение „виртуального” и „реального” аспектов мира приводит к семантическому коллапсу изображаемого. Текст „Омон Ра” проводит параллели между разрушением „мифа” и разложением официальной идеологии в процессе распада Советского Союза, подавая финальное

бегство главного героя из фальшивой ракеты в качестве метафоры освобождения от мировоззренческих иллюзий [14, с. 187–189].

Противоречие реального и иллюзорного отражено и в стихотворении Б. Гребенщикова „Государыня” (1992), где моделируется ситуация столкновения подлинного и ложного, осмысливается феномен симулятивной природы мира, локализованного в топосе дома:

*Государыня,
Помнишь ли, как строили дом –
Всем он был хорош, но пустой;
Столько лет
Шли по снегу серебром,
Боялись прикоснуть кислотой [5].*

Очевидно, приведенный текст семантически неоднозначен и допускает множественность интерпретаций. Так, рассматривая систему семантических отсылок, следует указать на коннотацию образа *кислоты* в данном контексте. Наиболее прозрачная аллюзия связана с галлюцинационной, ирреальной природой изображаемого („кислота” в значении сленгового наименования LSD неоднократно употребляется в поэтике Б. Гребенщикова). Другим направлением интерпретации является буддийское истолкование использованной образности: в данной философии содержится указание на то, что сам Будда предлагал оценивать своё учение подобно тому, как действует ювелир, покупающий золото на рынке: плавить, поливать кислотой и смотреть, что получится. Этот аспект вновь отсылает к проблеме иллюзорного мира (в аспекте мировоззрения, веры, философии и др.); лишь в финале стихотворения возникает надежда на „прояснение” ложного мира:

*Так полно, зря ли мы
Столько лет всё строили дом –
Наша ли вина, что пустой?
Зато теперь
Мы знаем, каково с серебром;
Посмотрим, каково с кислотой... [5].*

Действительность, преломлённая через искажённое сознание (принадлежащее лирическому „я” либо иному герою), нередко становится основой модели мира в постмодернистском тексте. Пространство и время могут трансформироваться под воздействием таких факторов, как сумасшествие героя, переживание им видений и галлюцинаций, наркотическое или алкогольное опьянение и др. Иногда такое восприятие мира подаётся постмодернистской поэтикой в качестве „подлинного” видения реальности, постижения её изначальной сути:

*Снесла мне крышу кислота,
И свод небес надо мной поёт тишиной,
И вся природа пуста такой особой пустотой* [4].

Постмодернистская пустота, как суть окружающей реальности универсальна; она тождественна миру как таковому. И далее в концовке стиха достигается цель духовного поиска: „Так в безлунную ночь нам откроется суть Поднебесной: / Ах, запомнить бы суть – и Россия опять спасена” [4].

Разрабатывая важнейшую в постмодернистской эстетике тему симулятивности, галлюцинационности и иллюзорной природы мира и мифа о мире, роман Умберто Эко „Баудолино” (2000) расслаивает изображаемое пространство и время на реальное и ирреальное, противопоставляя средневековые государства Европы выдуманному главным героями восточному Царству Пресвитера Иоанна. При этом изображается сам процесс „сочинения” этого Царства (со всеми его чудесами) в качестве культурного мифа. Возникает своего рода мультиверсум, в рамках которого реальное и виртуальное, семантически противореча друг другу, сосуществуют в рамках неопределённого аксиологического поля. В этом контексте примечателен лейтмотивный спор главных героев романа о природе пустоты (которая, по одной из версий, „противна природе”, поскольку служит критерием существования множества параллельных миров), в котором сталкиваются разнообразные религиозные, философские и естественнонаучные доводы [20, с. 396, 363].

В поэтике Умберто Эко такая трактовка пустоты впервые возникает в романе „Остров накануне”, где представлена

аналогичная дискуссия о сущности пустоты; более того, в романе таким же образом сопоставляются различные модусы времени и пространства в форме семантической диффузии реального и виртуального. Мир утрачивает единую структуру, будучи преломлённым через сознание главного героя, который в результате кораблекрушения отчасти утратил понимание грани между реальным и ирреальным, между действительностью и вымыслом [21, с. 487–488]. Мультиверсум противопоставляется универсуму (истинность которого в романе обосновывается с богословских позиций), а сама проблема *существования* либо *отсутствия* пустоты в мире освещается как в религиозно-мировоззренческом, так и в натурфилософском аспекте. Такое столкновение идей подаётся в романе в форме философского диспута, который ведётся главным героем как с реальным, так и воображаемыми собеседниками [21, с. 358–361, 480–483]. В итоге вымысел и истина сводятся воедино, превращая изображаемый мир в чистую иллюзию и условность, идеально отражающую внутреннюю сущность героя. Пространство и время виртуализуются, и финальное исчезновение (фактически „растворение”) персонажа в изображаемом мире символизирует гармонию слияния части и целого. Примером этого в „Баудолино” является второе путешествие главного героя в вымышленную им фантастическую страну (с последующим исчезновением в этом условном локусе) как отражение духовного поиска, попытки постижения сущности мира [20, с. 607–609]. Фантастический мир, сочинённый постмодернистским героем на основе смешения воображения и наркотических галлюцинаций, обретает статус ключевого фактора в построении хронотопа.

Подобно этому, пространство и время романа В. Пелевина „Чапаев и Пустота” (1996) также расслаиваются, распадаются и хаотизируются благодаря трансформациям в сознании главного героя, непрерывно „путешествующего” в своих видениях между миром во время Гражданской войны 1920–1922 гг. и миром постсоветской России. Парадоксальное параллельное сосуществование этих двух реальностей получает следующее объяснение: в 1990-х годах Пётр Пустота считается душевнобольным, а в 1920-е годы постигает под руководством Василия Чапаева дзен-буддистскую идею о том, что

все без исключения реальности симулятивны. Искажённый постмодернистский мир начинается с искажённого сознания, и основным мотивом романа становится преодоление иллюзий, мира и самого мышления, логики, психики; выход в сферу неощутимого и невыразимого. Все события, составляющие нелинейное духовное путешествие героя (в широком смысле – метафизический путь Петра в абстрактную Внутреннюю Монголию, мыслимую в качестве инварианта буддийской универсальной пустоты), являются не чем иным, как философской рефлексией изображаемого сознания. Опустошённый мир, видимый героем, становится единой сплошной метафорой, он условен, хаотичен и фальшив. При этом все эпохи и временные пласты семантически „равноправны”, „равновероятны” или же „равноневероятны”. Это актуализирует в данном романе, во-первых, буддийскую идею об иллюзорности любой действительности, а во-вторых – постмодернистскую установку на хаотизацию, опустошение и обесмысливание мира/текста. Своеобразной семантической связкой для разрозненных временных фрагментов служит не только сознание главного героя, но и ряд образов (таких, как символический бюст Аристотеля), проявляющих себя на стыке изображаемых миров (в момент перехода от одного к другому). Сложно организованная модель мира романа „Чапаев и Пустота” включает в себя следующие пространственно-временные пласты:

- Россия 1990-х: постфабульное мнимое время „издания” рукописи, якобы созданной Петром Пустотой;
- „Внутренняя Монголия” 1920-х: абстрактный метафизический локус, место создания автобиографии Петра Пустоты;
- Россия эпохи Гражданской войны: „сон” Петра Пустоты;
- „магическая реальность” барона Юнгера и В. И. Чапаева;
- постсоветская Россия: локус психбольницы. „Гипнотические сны” пациентов на сеансах групповой терапии („сны” о медийных образах, о японской культуре, о бандитах и „бандитской эпохе”).

Сложно организованный хаотический постмодернистский хронотоп в данном случае демонстрирует разветвлённую модель взаимной детерминированности разрозненных компонентов. Пустота в этом семантическом хаосе принимает на себя роль модуса хаотической структуры художественной действительности, определяет базовые свойства времени и пространства. Она, как правило, не проявляется формально (метафорически или посредством какого-либо иного тропа; исключение составляет разве что отсылка к фамилии главного героя и „визуализация” буддийского учения о пустоте Чапаевым), а имплицирована в само устройство мира, времени, пространства, персонажа. И в буддийском, и в постмодернистском своём воплощении пустота трансформирует, преломляет семантику и структуру времени и пространства, концепцию человека и предметного мира в целом. Наблюдается смысловой параллелизм роли пустоты в изображаемом мире: пустота способна проявлять себя схожим образом в различных системах координат (в постмодернистском аспекте она „уничтожает” время и пространство хаотизацией, а в дзен-буддийском – превращает их в иллюзию и условность).

Постмодернистское время/пространство, таким образом, демонстрирует способность распадаться на взаимоисключающие сферы, разветвляться и порождать внутренние противоречия; при этом именно данная семантическая и ценностная неоднозначность служит бесконечным источником смыслопорождения постмодернистского текста. Разрозненные части изображаемого мира не складываются в структурированное целое, а чаще всего сосуществуют по принципу оксюморона. Так, в романе „Баудолино” мир распадается на части в аксиологическом смысле: „ложный мир” квазиисторического времени/пространства средневековой Западной Европы существует параллельно „истинному миру” иллюзорного Царства Пресвитера Иоанна. Большинство изображённых в романе событий подаётся в форме мемуарного повествования главного героя (что задаёт ценностную дистанцию между временем события и временем рассказа о нём). Акт повествования происходит в разорённом Константинополе – городе, известном в качестве „перекрёстка миров” Запада и Востока, – благодаря чему данный топос становится точкой

соприкосновения двух взаимоисключающих модусов хронотопа романа. В финале произведения происходит своеобразная ценностно-семантическая инверсия „реального” и „виртуального” миров; вымышленная восточная страна словно становится более реальной, чем обыденный мир, и Баудолино исчезает в ней из истории (глава „Баудолино больше нет”) [20, с. 610–611]. По замечанию Е. А. Костюкович,

роман „держится” за счёт искусного переплетения исторического исследования с сочинением на вольную тему. При этом читатель чувствует, что между позицией Эко-учёного и позицией Эко-сочинителя есть обширный зазор, временами даже контраст, именно благодаря которому роман и наполняется иронией, свободой, в общем – радостью [20, с. 623].

Постмодернистская пустота нередко служит прямым истоком сотворения мира, явленного в слове. Так, роман В. Пелевина „Т” (2009) моделирует процесс сотворения действительности сознанием главного героя из ничего, буквально из пустоты: „Т. пришёл в себя. И сразу же понял, что напрасно это сделал – вокруг ничего не было” [15, с. 156]. Пустота становится точкой отсчёта для записи нового бытия; это перспектива возможностей, одна из которых выбирается для моделирования мира [11]. „Зримый” образ окружающей героя пустоты представлен абсолютной чернотой, где буквально „не видно ни зги”, и герой посредством акта творения „заполняет” эту пустоту, „сочиняя” весь окружающий мир. У пустоты открывается потенциал для заполнения – и, следовательно, появляется коннотация конструктивного начала. Как отмечает В. О. Кубышкина, в случае с современным произведением классическая метафора буквализуется в соответствии с основными законами постмодернизма, один из которых – представление Ж. Дерриды о мире как тексте [11]. В романе „Т” эта мысль прямо озвучивается: „Я начал создавать мир как текст”, т. е. то, что написано, – единственно существующее [15, с. 209]. Здесь ещё более очевидным становится влияние гностических идей, содержащих образ демиурга, для которого, как мы видим в романе „Т”, всё сущее предстаёт лишь процессом его творчества [9]. Очевидно, что в данном аспекте обыгрывается одна из черт

постмодернистской поэтики, когда стирается различие между текстовой и внетекстовой действительностью, преодолевается граница между искусством/творчеством и бытием. Иными словами,

время „t” – это длительность художественного акта создания данного текста и время, затрачиваемое на его чтение; пространство – художественное пространство, обнажающее свою литературную сконструированность [9, с. 15].

Структура процесса творчества и рецепции проявлена здесь наиболее наглядно. Помимо этого, В. Пелевина интересует „власть героя над собой и своей реальностью” [13]. Поэтика напрямую указывает на иллюзорность любого языкового творчества, что служит отсылкой к идее об иллюзорности сознания как такового (эта мысль в значительной степени свойственна многим произведениям В. Пелевина); данное замечание вполне гармонично согласуется как с дзен-буддийским, так и с постмодернистским аспектами романа „Т”. Так, этот семантический аспект определяется в романе следующим образом: *„Когда мы говорим «я», «эго», «душа», «ум», «дао», «бог», «пустота», «абсолют» – все это слова-призраки. У них нет никаких конкретных соответствий в реальности”* [15, с. 308]. Внутренняя пустота любого явления может быть заполнена не одним неизменным значением, а множеством семантических вариаций. Иными словами, граф Т. *„учится создавать свою собственную реальность, открывая дверь из псевдореальности безличных фантазмов в реальность личной свободы”* [13]. В дальнейшем коннотация пустоты в романе ещё более сближается с восточным её истолкованием:

сначала ламы объясняют ученику философскую категорию „пустотности”. Потом учат видеть пустую природу преходящих вещей. Затем объясняют, что пустота ума подобна сознающему пространству, и так далее [15, с. 303].

Итогом духовного пути графа Т. в ирреальную Оптину Пустынь становится обретение внутренней гармонии, связанное с постижением „пустой сущности” всех явлений мира; герой

трансформирует собственное сознание, обнаруживает, что действительность неизменно является творением субъекта. Граф Т. в конечном счёте узнаёт следующую философскую интерпретацию этого условного локуса:

„Оптина” происходит от латинского глагола „optare” – „выбирать, желать”. Здесь важны коннотации, указывающие на бесконечный ряд возможностей. Ну а „Пустынь” – это пустота, куда же без неё. Сколько здесь открывается смыслов... [16, с. 308].

Плюральное видение мира, свойственное постмодернистской художественной философии, является одним из важнейших факторов семантической свободы текста. Указание на завершение духовного странствия графа Т. в Оптиной Пустыни содержит стихотворный фрагмент, включённый в финальную часть романа:

*Как на закате времени Господь выходят Втроём
Спеть о судьбе творения, совершившего полный круг.
Кладбище музейного кладбища тянется за пустырьём
И после долгой практики превращается просто в луг [16, с. 308].*

Таким образом, хаотический мир замыкается: творение отождествляется и сливается со своим творцом, и из ничего (пустоты) проявляется Нечто. У пустоты развивается коннотация „свободного места” для творчества, в первую очередь – творчества языкового, в соответствии с постмодернистским отождествлением текстовой и объективной реальности, в связи с чем порождение текста становится тождественно сотворению мира.

Постмодернистский мир заключает в себе лакуны и пустоты, трансформирующие как временные, так и пространственные его параметры; зачастую пустотность становится важнее и „вещественнее” предметности. Так, в произведении Х. Л. Борхеса и А. Бьой Касареса „Избирательный взгляд” (из цикла мнимых рецензий „Хроники Бустоса Домека”) моделируется процесс создания обеспредмеченного произведения искусства, чья форма задаётся окружающим пространством, ограничивающим пустоту [3, с. 80, 82–83]. Подобно „Чёрному квадрату”, такая инсталляция семантически абсолютна и бесконечна, что метафоризирует пустоту в

качестве сущностной первоосновы мира. В „Хрониках Бустоса Домека” в подобном ключе разрабатывается и тема словесного творчества, актуализирующего приём замещения пробелами, „умолчаниями” и лакунами тех или иных элементов готовых художественных текстов [3, с. 85–88]. При этом пропуск слов в уже существующих фразах не просто деформирует конструкцию художественного целого, но фактически преодолевает саму идею структуры и семантической связности; возникает пустой текст, не нуждающийся ни в формальном, ни в содержательном аспекте.

Рассуждая о „новой эстетике”, свойственной культуре и искусству второй половины XX в., Х. Л. Борхес и А. Бьой Касарес указывают на приём „преодоления” формы, разрушения структуры и опустошения мира; так, сама культура моделирует пустую реальность, которой чужды образы, способные нести определённую смысловую и аксиологическую нагрузку. К примеру, в тексте „Наш мастер кисти: Тафас” изображён процесс эстетической и семантической аннигиляции произведений живописи, закрашиваемых сплошным слоем чёрной краски [3, с. 94]. При этом образы, скрытые чернотой, переходят из разряда изображённых на холсте в разряд существующих только в сознании зрителя; такая виртуализация мира ставит знак равенства между истинным и мнимым, предметным и воображаемым, между вещью и пустотой. По замечанию Д. В. Затонского, „двусмысленность, плюрализм, сомнение – вот киты, на которых балансирует постмодернизм”; в связи с этим исследователь называет Борхеса „истинным постмодернистом”, несмотря на его „неукладываемость в хронологические рамки” данного направления [8].

Следовательно, пустота онтологизируется, становится тождественна миру; разрушение жёстких рамок сознания, культуры, идеологии, форм мышления освобождает постмодернистского героя и сближает его с миром, обеспечивая более непосредственное взаимодействие. При этом сама действительность приобретает признаки условности, иносказательности; освобождённое сознание перестаёт нуждаться в строго оформленной системе координат:

*Но когда – от винта
И кругом пустота,
От зубов до хвоста –
И в пропасть на скалы;
И не встать, и не сесть –
Ты скажи всё, как есть,
И – привет, Ваша честь,
Прямо в рай, под мостом, как Чкалов [6].*

В данном аспекте пустота приобретает значение „бреши в стене косности”: для сознания, освобождённого от условностей, не остаётся мировоззренческих преград, и элементы культурного дискурса начинают трансформироваться и сочетаться в хаотическом виде, подобно причудливым вкусовым образам из „тенебрариума” в „Новом виде абстрактного искусства” Х. Л. Борхеса и А. Бьой Касареса [3, с. 47–48]. Примечательно, что в данном произведении смешению „семантики” вкусовых параметров сопутствует темнота как форма *отсутствия света*: тьма позволяет избежать иллюзий внешнего облика мира и ощутить его якобы на сущностном уровне, каковой также оказывается виртуальным. Следовательно, постмодернистский мир лишается реальности, преодолевая её; предметы, формы и образы опустошаются и обесмысливаются, постижение уступает место созерцанию, а сфера рационального лишается смысла.

Тем не менее, постмодернистской парадигме свойственна неприкрытая рефлексия о природе пустоты как феномена культуры, о её роли в художественном мире и в поэтике текста. Так, романы В. Пелевина „Чапаев и Пустота” и „Т” исследуют тему пустоты в сюжетном поле, сочетая дзен-буддийский культурный код с постмодернистской хаотизацией, обладающей соответствующей концептуальной нагрузкой; при этом проводится параллель между восприятием пустоты в буддизме и постмодернизме. В „Баудолино” постмодернистская поэтика осваивает, ассимилирует и трансформирует широкий круг религиозных, философских, научных, а также мифологических толкований пустоты, превращая совокупность этих идей в сложный семантический конгломерат; сообразно этому трансформируется и художественный мир романа. Повесть „Омон Ра” обнаруживает и доводит до абсурда идею

внутренней пустоты идеологического мифа как формы целенаправленного моделирования культурно-мировоззренческого дискурса.

Нетрудно заметить, что постмодернистская поэтика способна свободно варьировать формы конструирования пустого/пустотного мира; с этой целью пустота наделяется свойством воплощать собой „универсальную бессмысленность”, случайную форму, преодолевшую своё содержание и потому существующую в свободной системе семантических координат. Если в модернистской художественной парадигме пустота в форме абсолютного Ничто упорядочивает и структурирует мир в его пространственно-временных, семантических, аксиологических и иных параметрах, задаёт его иерархическое устройство и систему бинарных оппозиций, то в рамках поэтики литературы постмодернизма пустота служит фактором деструкции/деконструкции, хаотизации, уничтожения смысла и значения, „преодоления” означаемого означаемым. Модернистская поэтика „опредмечивает” пустоту (в пространственном, аудиальном, визуальном либо ином ключе), а поэтика постмодернизма опустошает предмет (образ, знак, форму). Опустошённые образы компилируются почти случайным образом, по принципу игры либо свободных ассоциаций; хаос и абсурд становятся практически единственной формой изображаемой художественной действительности. У такой иллюзорности, „виртуальности” и относительности появляется потенциал креационного начала, фактора свободного творчества и принципа умственной игры. Естественно, что в данном „стихийном”, хаотическом культурном дискурсе разлагается любая иерархия и система, распадаются пары бинарных оппозиций (к примеру, противоречащие друг другу явления получают равную степень истинности), разрушается вертикальная модель мира. Художественный мир перестаёт моделироваться в качестве упорядоченного целого; структура уступает место „антиструктуре”, что перекликается с архаическим истолкованием категории хаоса, имевшего в рамках древнегреческой мифологической парадигмы амбивалентное значение, представляясь в качестве деструктивно-конструктивной стихии. Децентрированный, лишённый единства постмодернистский мир обнаруживает внутреннюю пустоту в

качестве ключевого свойства собственной онтологии; любая художественная форма, явленная в поэтике, становится „виртуальной”. Неоднозначность и плюральность приходят на смену осмысленности и структурированности, вертикальная модель мира уступает место горизонтальной; категория возвышенного преломляется и подвергается снижению в рамках иронической или абсурдной смысловой игры. При этом с формальной точки зрения мир перенасыщен самыми разнообразными объектами, однако имплицитированная пустота каждого из них в сочетании с аппликативным принципом их комбинации не позволяет говорить о наличии упорядоченной онтологии мироустройства постмодернистского текста.

1. *Александрова И. Б.* Поэзия постмодернизма: штрихи к портрету / И. Б. Александрова // *Русская словесность* / под ред. Л. В. Чернец. – Москва : Шк. пресса, 2008. – № 7 – С. 36–43.
2. *Андреева И. С.* Постмодернизм в русской литературе [Электронный ресурс] / И. С. Андреева. – Режим доступа : <http://fege.narod.ru/librarium/andreeva.htm>.
3. *Борхес Х. Л.* Двенадцать символов мира / Х. Л. Борхес, А. Бьой Касарес. – Москва : АСТ, 2014. – 318 с.
4. *Гребенщиков Б. Б.* Генерал [Электронный ресурс] / Б. Б. Гребенщиков. – Режим доступа : <http://www.aquarium.ru/discography/vozduhoplavanje.html#@04>.
5. *Гребенщиков Б. Б.* Государыня [Электронный ресурс] / Б. Б. Гребенщиков. – Режим доступа : http://www.aquarium.ru/discography/russkij_al224.html#@723.
6. *Гребенщиков Б. Б.* Под мостом, как Чкалов [Электронный ресурс] / Б. Б. Гребенщиков. – Режим доступа : http://www.planetaquarium.com/discography/songs/pod_mostom1009.html/.
7. *Жданов И. Ф.* Плач Иуды [Электронный ресурс] / И. Ф. Жданов. – Режим доступа : <http://modernpoetry.ru/main/ivan-zhdanov-izbrannoe#iuda>.
8. *Затонский Д. В.* Постмодернизм в историческом интерьере / Д. В. Затонский // *Вопросы литературы* / гл. ред. Л. И. Лазарев. – Москва, 1996. – № 3. – С. 182–205.
9. *Кабанова И. В.* Троица по Пелевину: автор – герой – читатель в романе „Т” / И. В. Кабанова // *Филологический класс* / гл. ред. Н. П. Хрящева. – Екатеринбург, 2011. – № 25. – С. 15–20.

10. *Кибиров Т. Ю.* Греко- и римско-кафолические песенки и потешки [Электронный ресурс] / Т. Ю. Кибиров. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/1/ki5.html>.
11. *Кубышкина В. О.* Трансформация образа гностического демиурга в романе В. Пелевина „Т” [Электронный ресурс] / В. О. Кубышкина // Современные проблемы науки и образования. – Москва, 2015. – № 2. – Ч. 1. – Режим доступа : <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20371>.
12. *Лейдерман Н. Л.* Современная литература [Электронный ресурс] / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – Режим доступа : <https://studfiles.net/preview/4416877/page:42/>.
13. *Липовецкий М. Н.* Три карты побега [Электронный ресурс] / М. Н. Липовецкий. – Режим доступа : <http://os.colta.ru/literature/projects/13073/details/15612/>.
14. *Пелевин В. О.* Омон Ра / В. О. Пелевин. – Москва : Эксмо, 2009. – 190 с.
15. *Пелевин В. О.* Т / В. О. Пелевин. – Москва : Эксмо, 2009. – 384 с.
16. *Пелевин В. О.* Чапаев и Пустота / В. О. Пелевин. – Москва : Эксмо, 2009. – 478 с.
17. *Саенко Н. Р.* Онтологическая поэтика пустоты [Электронный ресурс] / Н. Р. Саенко. – Москва : Академия естествознания, 2010. – 160 с. – Режим доступа : http://oobox.ru/gumanitarnye_nauki/1342484/ontologicheskaya_poetika_pustoty.html.
18. *Скоропанова И. С.* Роман В. Пелевина „Чапаев и Пустота” как объект интерпретаций : пособие для студентов-филологов / составитель и автор интерпретации И. С. Скоропанова. – Минск : РИВШ, 2004. – 129 с.
19. *Усовская Э. А.* Постмодернизм : учебное пособие / Э. А. Усовская. – Минск : ТетраСистемс, 2006. – 256 с.
20. *Эко У.* Баудолино / У. Эко ; пер. с итал. и послесловие Е. А. Костюкович. – Москва : Астрель: CORPUS, 2012 – 624 с.
21. *Эко У.* Остров накануне / У. Эко ; пер. с итал. и послесловие Е. А. Костюкович – Москва : Астрель: CORPUS, 2012 – 573 с.

СЕМАНТИКА ПУСТОТИ В МОДЕЛІ СВІТУ ПОСТМОДЕРНІСТСЬКОГО ТЕКСТУ

Роман Геннадійович Житко

orcid.org/0000-0002-8821-0955

romanzhitko92@gmail.com

Аспірант

Кафедра російської філології

Гродненський державний університет імені Янки Купали

Вул. Ожешко, 22, 230023, м. Гродно, Республіка Білорусь

Анотація. Розглядається категорія пустоти в моделюванні художнього світу в поезії постмодерністської літератури. У зв'язку з цим на базі структурно-семіотичного методу досліджуються специфіка організації часу і простору в тексті постмодернізму, їх основні структурно-семантичні параметри, а також аксіологічні орієнтири. Матеріалом для аналізу виступають актуальні за заявленою проблематикою прозові та поетичні постмодерністські тексти, що використовують категорію пустоти як один із ключових факторів побудови художнього світу. В рамках вивчення „спустошеного” постмодерністського часу і простору дослідження охарактеризувало такі аспекти світоустрою, як хаотизація, плюралізація, деструкція та ін., а також встановило специфіку кореляції категорій реального та ірреального, істинного і помилкового, справжнього і віртуального в семантико-аксіологічному полі поезики пустоти в тексті постмодернізму. Подано детальний аналіз постмодерністської поезики пустоти в аспекті часу і простору як основних параметрів модельованого художнього світу.

Ключові слова: пустота, час, простір, Пелевін, Еко, Гребенщиков, Борхес, Бйой Касарес.

SEMANTICS OF EMPTINESS IN THE WORLD MODEL OF POSTMODERN TEXT

Roman Zhitko

orcid.org/0000-0002-8821-0955

romanzhitko92@gmail.com

Department of Russian Philology

Yanka Kupala State University of Grodno

22 Ozheshko str., 230023, Grodno, Belarus

Abstract. The purpose of this work is to study the meaning of the category of emptiness in the modeling of the artistic world in the poetics of postmodern literature. In this regard, the article investigates on the basis of the structural-semiotic method the specifics of the organization of time and space in the text of postmodernism, their basic structural and semantic parameters, as well as axiological guidelines. As a material for the analysis, prosaic and poetic postmodern texts, which are relevant to the problematic subject, use the category of emptiness as one of the key factors in the construction of the artistic world. The study characterized such aspects of the world modeling as chaotization, pluralization, destruction, etc. as part of the study of the “devastated” postmodern time and space, and also established the specifics of the correlation between real and unreal categories, true and false, genuine and virtual in the semantic-axiological field of the poetics of emptiness in the text of postmodernism. The

article also presents a detailed analysis of the postmodern poetics of emptiness in the aspect of time and space as the main parameters of the modeled artistic world; according to this, the work formulates the basic principles of constructing an artistic reality.

Key words: emptiness, time, space, Pelevin, Eco, Grebenschikov, Borges, Bioy Casares.

References

1. Aleksandrova I. B. Poeziia postmodernizma: shtrikhi k portretu [Poetry of postmodernism: strokes to a portrait]. *Russkaia slovesnost'*, 2008, no. 7, pp. 36–43. (in Russian).
2. Andreeva I. S. *Postmodernizm v russkoi literature* [Postmodernism in Russian literature]. Available at: <http://fege.narod.ru/librarium/andreeva.htm> (accessed 15 April 2018). (in Russian).
3. Borges J. L., Bioy Casares A. *Dvenadtsat' simvolov mira* [Twelve symbols of the world]. Moscow, 2014, 318 p. (in Russian).
4. Grebenschikov B. B. *General* [The General]. Available at: <http://www.aquarium.ru/discography/vozduhoplavanje.html#@04> (accessed 27 April 2018). (in Russian).
5. Grebenschikov B. B. *Gosudarynia* [The Empress]. Available at: http://www.aquarium.ru/discography/russkij_al224.html#@723 (accessed 25 April 2018). (in Russian).
6. Grebenschikov B. B. *Pod mostom, kak Chkalov* [Under the bridge, like Chkalov]. Available at: http://www.planetaquarium.com/discography/songs/pod_mostom1009.html/ (accessed 26 April 2018). (in Russian).
7. Zhdanov I. F. *Plach Iudy* [Cry of Judas]. Available at: <http://modernpoetry.ru/main/ivan-zhdanov-izbrannoe#iuda> (accessed 30 April 2018). (in Russian).
8. Zatonsky D.V. Postmodernizm v istoricheskom inter'ere [Postmodernism in the historical interior]. *Voprosy literatury*, 1996, no. 3, pp. 182–205.
9. Kabanova I. V. Troitsa po Pelevinu: avtor – geroi – chitatel' v romane “T” [Pelevin’s Trinity: author – character – reader in the novel “T”]. *Filologicheskii klass*, 2011, no. 25, pp. 15–20.
10. Kibirov T. Iu. *Greko- i rimsko-kafolicheskie pesenki i poteshki* [Greek and Roman Catholic songs and nursery rhymes]. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/1/ki5.html> (accessed 29 April 2018). (in Russian).
11. Kubyshkina V. O. *Transformatsiia obraza gnosticheskogo demiurga v romane V. Pelevina “T”* [Transformation of the Gnostic demiurge image in the novel “T” by V. Pelevin]. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20371> (accessed 16 April 2018). (in Russian).

12. Leiderman N. L., Lipovetskii M. N. *Sovremennaiia literatura* [Contemporary literature]. Available at: <https://studfiles.net/preview/4416877/page:42/> (accessed 30 April 2018). (in Russian).
13. Lipovetskii M. N. *Tri karty pobega* [The three mars of escape]. Available at: <http://os.colta.ru/literature/projects/13073/details/15612/> (accessed 24 April 2018). (in Russian).
14. Pelevin V. O. *Omon Ra* [Omon Ra]. Moscow, 2009, 190 p. (in Russian).
15. Pelevin V. O. *T* [T]. Moscow, 2009, 384 p. (in Russian).
16. Pelevin V. O. *Chapaev i Pustota* [Chapaev and Emptiness]. Moscow, 2009, 478 p. (in Russian).
17. Saenko N. R. *Ontologicheskaiia poetika pustoty* [Ontological poetics of emptiness]. Moscow, 2010, 160 p. Available at: http://oobox.ru/gumanitarnye_nauki/1342484/ontologicheskaya_poetika_pustoty.html (accessed 14 April 2018). (in Russian).
18. Skoropanova I. S. *Roman V. Pelevina "Chapaev i Pustota" kak ob"ekt interpretatsii: posobie dlia studentov-filologov* [Novel "Chapaev and Emptiness" of V. Pelevin as an object of interpretation: allowance for students of philology]. Minsk, 2004, 129 p. (in Russian).
19. Usovskaiia E. A. *Postmodernizm* [Postmodernism]. Minsk, 2006, 256 p. (in Russian).
20. Eco U. *Baudolino* [Baudolino]. Moscow, 2012, 624 p. (in Russian).
21. Eco U. *Ostrov nakanune* [The Island of the Day Before]. Moscow, 2012, 573 p. (in Russian).

Suggested citation

Zhitko R. Semantika pustoty v modeli mira postmodernistskogo teksta [Semantics of Emptiness in the World Model of Postmodern Text]. *Pytannia literaturoznavstva*, 2018, no. 97, pp. 23–42. (in Russian).

Стаття надійшла до редакції 9.05.2018 р.
Стаття прийнята до друку 7.06.2018 р.